

Цена 17 р. 50 к. вместе с № газеты.

№ 12.

Объявления в приложении к «Рабочей Газете» принимаются по цене: 1 страница 90,000 р., стр.—50,00 р., стр.—27,000 р., стр.—15,000 р., в главной конторе: Серпуховой бульв., Путиловский, 8.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
20 августа 1922 года.

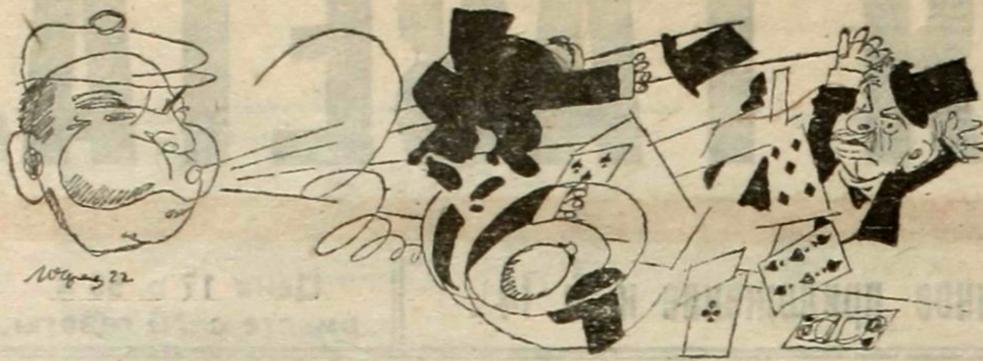
Иллюстрированное приложение к № 141.

Цена 17 р. 50 к.
вместе с № газеты.

Рис. М. Черемных.

Слава героям!

О ПРОДНАЛОГЕ.

Сказка для взрослых.

1.

Пришел в деревню к мужикам голод. Вот какой страшный — сказать трудно. Понюхал около первой избы — хлебом пахнет. Дальше пошел. Поглядел в окошко к Ивану Прокофьючу — баба квашню затевает. Тут уж прямо нечего делать. Видит, Лизар с мешком идет.

— Дядя, чего ищешь?

— Муки хочу найти с полпуда.

Прыгнул голод в мешок к Лизару, говорит:

— Тащи меня заместо петуха. Мне ночевать негде.

Два дня Лизар таскал его по улицам, взмолился.

— Слезь Христа ради, силы нет!

Голод смеется.

— Куда я пойду? Ты самый подходящий человек для меня.

А сам все сильнее жмет горло Лизару.

Шел-шел Лизар, упал посреди дороги — не встает. Плюнул голод на него два раза, рассердился.

— Скоро же ты сознался!

Видит, Емельян идет.

— Дядя, чего ищешь?

— Муки хочу найти с полпуда.

— Устал?

— Чуть иду.

— Давай поддержку.

Обнял Емельяна — у того и глаза помутились.

Плюнул голод на него два раза, рассердился.

— Ну, и народишко плохой!

Пошел искать здоровых мужиков. К кому не пойдет, как метлой метет. То мужик ноги вытянет, то баба. Всю скотину разогнал с дворов мужичьих, все тряпье по ветру пустил. Опустила деревня. Нечего стало делать, собирается голод в соседнюю деревню. Услыхали мужики из соседней деревни, иконы подняли. Батюшка кадилком гремит, псаломщик молитвы читает, бабы с девками „Заступницу“ поют.

А голод медведем лезет. Замахнулся батюшка кадилком на него, голод смеется...

— Этим меня не ушибешь.

Поднял двух старух прямо на молебне — из них и душа птицей по воздуху.

Зашел в крайнюю избу — Агап Кудлатый живет. Лежит Агап на печи, охает.

— Ты что, дядя, охаетшь?

— Жрать нечего.

— На, вот ляшку баранью.

Сунул в руку ему полено липовое — Агап обрадовался. Грыз-грыз, слюна изо рта пошла. Запрокинул голову назад, и тоже — душа птицей по воздуху.

Другие мужики из другой деревни тревогу подняли.

— Голод появился. Две деревни начистую обделал. Чего с ним будем делать? Скоро может и к нам появиться. Пробовали молебном отогнать, — а он только смеется.

— Беда!

— Волка из ружья убьешь. А этого чем?

Целая округа приуныла.

2.

Шел местами еще не голодными красноармеец. Вот какой дотошный — страсть!

Видит, мужики приуныли, спрашивает.

— Отчего вы, крестьяне-товарищи, невеселы?

— А как же нам веселиться, коли на нас голод идет. Две деревни начистую подмял. Скоро не скоро сюда заберется. Чем его убьешь? Молебнов не боится.

Красноармеец говорит:

— Я знаю, чего он боится. Как ударю его этой штукой два раза, — голова долой.

— Да что ты! Помоги, пожалуйста.

— Помочь я помогу вам, только надо меня во всем слушаться.

Сделали мужики собрание, постано-

вили: слушаться во всем доброго человека, товарища-красноармейца, который знает, чем голод убить.

Сделали подписи. Кто неграмотный, крестик поставил на бумаге собственноручно. Взял красноармеец бумагу, говорит:

— Хлебишко у вас пока есть?

— Уродился немножко.

— Продналог не платили?

— Нет, товарищ, не платили.

— Тащи сюда весь продналог, который причитается с вас. Если не дадите, придет сюда этот разбойник и вам — капут.

Принесли.

3.

Сел рано утром красноармеец около околицы, ждет. Глядит, голод с песнями идет. Мотается, шапка на затылке. Красноармеец навстречу к нему.

— Стой, товарищ, куда идешь?

— А тебе какое дело?

— Покажи пропуск.

Рассердился голод.

— Ты мне не мешай, я свою дорогу знаю. Будешь скандалить и тебя задушу, хотя ты и военный.

И красноармеец рассердился.

— Товарищ, не выражайся!

Хотел голод схватить его двумя пальцами, а красноармеец развернулся да как хватит двумя пудами продналога. Тот забачался. Видит красноармеец, этим не сшибешь, развернулся пятью пудами. А как ударил в двадцать пять пудов, тут голод и язык высунул.

— Чем ты меня бьешь, товарищ?

— Продналогом, милый мой, продналогом.

— Пусти душу на покаяние.

— Пустил бы я тебя, да не могу этого сделать. Сам товарищ Ленин с товарищем Калининским просили меня отвернуть тебе голову. Очень уж ты мужиков прижимаешь, а мужики жалуются на товарища Ленина с товарищем Калининским. Видишь, как я ошибаюсь? Ты с буржуями озорничаешь по деревням, а другие в ответе за вас. Получай еще одну на долгую память.

Двинул красноармеец сорока пудами — голод и ножки вытянул.

4.

Подошли мужики целой деревней к красноармейцу, спрашивают:

— Ну, как товарищ, теперь не опасно?

— Больше никуда не пойдет. А если появится другой вместо него, в первую очередь бейте продналогом. Самое лучшее средство.

А. Неверов.

Деревенские качеты.

Продналог. Продналог... По деревне Черный Лог, у проезжих у дорог, вышел я на перелог, на долину, на лужок, взял я в руки падожок: кто бы справиться помог, то есть в этот самый срок мне собрать продналог.

Я бы взял да приволок этот самый продналог, потому как он другим, говорят, необходим.

Ах, несите, не трясите, ах, несите поспешите, хоть в корыте или в сите, лишней день не пропустите... Вы просить и не просите, приносите, приносите, потому что продналог нам бы справиться помог и с разрухой и с прорухой, с ведьмой — голодом старухой, с побирухой — пепетухой, что стучится под окном (то есть значит) падогом.

Без него, (без продналога) зарастет травой дорога в деревеньку Черный Лог, что засела у дорог.

В городах без продналога жизнь пойдет совсем убого. Да и кто же, так сказать, будет нам серпы ковать?

Вникай, дядя Селифан, вникай, тетка Марья, чей ты носишь сарафан, как не пролетарья! Так чего же думать зря, промеж нами говоря? Полно стягивать портки — волокни да волокни.

Вы просить и не просите — приносите, приносите, поспешите, поспешите, лишней день не пропустите: этот самый продналог нам бы справиться помог и с разрухой и с прорухой, с ведьмой голодом старухой, что стучится под окном суковатым падогом.

— Эй, ты милая моя, плечи лебедчине, стан цветами обовью, дай уста малиновы. Посажу на паровоз, ты сиди мой абрикос, поцелую, обойму, алой лентой перевью плечи лебедчине...

— Не поеду я с тобой, не хочу на станцию и не буду целоваться: покажи квитанцию, — если не сдал продналог, уходи, брат, за порог.

Кузьма Роцин.

Те, которые налог прячут.

«...есть и такие, что прячут урожай лишь бы не дать продналог».
(Из газеты какой-то).

Есть подобных... очень много...
Скупердяев без ума,
Что спасаясь от налога,
Хлеб ховают в закрома.

Чтоб наладить общей силой
Механизма общий ход,
В бой с разрухой опостылой,
Должен выступить вперед!

— Ты корни в душе с пожаром
У фабричного станка!
— Ты встречай враги ударом
Отточенного штыка!

— Ты, вспахавший землю плугом
И собравший урожай,
Будь тем первым братом — другом, —
Долю прибыли отдай!

Всяк стоит упорно твердо
На святом посту своем,
Каждый смотрит в дали гордо
За живительным трудом.

Но... Слыхать, не все сознали
Этот братства долг святой, —
И припрятали, сховали
Хлеб румяный золотой.

Взять мешочника Гаврилу...
Есть запасов на пять лет,
А Гаврила через силу
Прячет жито — счету нет...

Дед Терентий — тоже стонет,
А ячменную муку,
Что рогную мать хоронит
Под навесом на току.

С ним и тещенка Прасковья
Заховала все и вся:
Мед и маслице коровье,
И живого поросля.

Хоть и жалко, а сховала,
Чтоб не слопал кто другой.
А ховала — причитала:
— Со святými упокой.

С ней и тетушка Ненила,
Света-пристава жена.
От налога схоронила
Семь икон и оргена.

А пьянчуга Митька, значит,
Бывший стражник — угалец,
В самогонке совесть прячет, —
Знать, предчувствует конец.

Эй, хователь, брось ты это,
Помни, скоро будет час,
Как ты вынешь из «секрета»
Свой таинственный запас.

Только, помни, будет поздно
Дело общее не ждет.
А тебя потянет грозно
Злая доля «на расчет».

У тебя есть ржицы много,
Так давай хоть часть Руси.
Не тяни же ты налога,
А скорей его внеси.

В. Кубанский.

Не посеешь — не пожнешь.

Голод ходит по дорогам,
 По залворкам, по порогам,
 Смотрит в каждое окно,
 И стучит, стучит одно:
 Приготовьтесь, хлебоборбы,
 Умирать, без слез, без гроба.
 Мой великий смертный пост
 Всех погонит на погост.
 У Ивана за полями
 Есть зерно в глубокой яме:
 Все распродал он давно, —
 На посев купил зерно.
 У Ивана три мальченки,
 Брат, жена, да три девченки,
 Да седой и тощий дед, —
 А в доме и крошки нет.
 Голод в окна все колотит,
 Душу мужику воротит:
 Машет лапой костяной
 Над голодной семьей.
 — Вот, спасибо за услугу,
 Прихожу к тебе, как к другу,
 В яму хлебную твою
 Закопаю всю семью.
 Грусть — тоска Ивана точит.
 Не смыкая ночью очи
 Весь он в думах об одном:
 Как решить ему с зерном.
 — Сам иссох весь с голодухи,
 Смерть глядит из молодухи,
 На печи чуть дышит дед:
 Либо помер, либо нет.
 А мальчишки, а девченки —
 В щелку высохли рученки....
 Гложет дума мужика:
 — А, ведь, в яме — три мешка.
 Но Иван еще крепится,
 Отрывать зерно боится:
 Сбережешь — воза сберешь,
 Без семян — опять помрешь.

Тощий, бледный и бессильный
 На худой, больной кобыле
 Все поля вспахал Иван,
 Полной горстью клал семян.
 Из семян одна лишь малость
 Перепрела и осталась:
 Их забрал Иван домой,
 Ел по капельке с семьей.
 Ел с мякиной, с лебедою,
 С желудями и корою, —
 Коль на поле спеет рожь,
 Тут чем хочешь проживешь.
 Пролетело лето быстро.
 Высока и колосиста
 Встала рожь, как желтый шелк,
 Как солдат геройский полк.
 Новый хлеб, как сладкий пряник.
 От восторга на Иване
 Нет лица, — он как дитя,
 Не отлипнет от ломтя.
 Вместе плачет и хохочет,
 Бабу бледную щекочет,
 И воскреснувших ребят
 Вверх бросает, как котят.
 Кости дед с печи спускает,
 Сына крепко обнимает:
 — Хоть и сын ты мне родной,
 Прямо... как сказать... ерой!
 Хлебный запах голод гонит,
 Голод охает и стонет,
 Брызжет искрой из трубы,
 Улетая из избы.

Рассказал я сказку эту,
 Чтоб пошла она по свету.
 То не сказка — былъ была,
 Среди нашего села.
 Слава колосу ржаному,
 Слава полю наливному,
 Сбереженному мешку
 И герою — мужику.

В. Кумач.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЛО.

Жарко... Грязные детишки шеголяют без штанов... На окраинном дворике спорят сорок голосов. Бабы дали ртам работу, шум и гам со всех концов, — здесь по случаю субботы заседание жильцов.

Васкин Федя — председатель (он приказчик в МПО). Наградил его создатель: дар словесный у него. Скажет — смажет, а в ударе — речь отточит, словно нож, как рублем тебя подарит, хоть ни слова не поймешь.

Бьет ладошкой по забору: — Прекратите болтовню! Пустим все дела к разбору по порядковому дню. Перевыборы домкома, очищение нечистот, относительно разлома кем то лестницы у дома, и касательно ворот, о загаженьи подвалов, о выбитии стекла, разбирание скандалов и текущие дела. Кто за это?

Взвильсь руки.

— Против?

Руки взвильсь вновь.

— Воздержался?

— Павел Злюкин и Припаркова, Любовь!

Васкин сунул руки в брюки и высоко поднял бровь:

— Ну с, по пунктам...

И собранье, пункты все смешав вверх дном, забурлило смачной бранью, заходило ходуном. То вздымалось, словно тесто, то слипалось в потный ком.

— Сам садись об его место!

Не хочу итти в домком!

— В председатели — Петрова, Ванька Зотов секретарь!

— Ну скажи еще полслова, — в зубы вдарю!

— Ну-ка вдарь?

— Ваньку, Ваньку! Ишь он, мерин, как мурло-то отрастил!

— Чье брат, шире: ну-ка смерим! Я два месяца ходил!

— И еще походишь!

— Фигу!

— Что ты лезешь на скандал? Забирай печать и книгу!

— А вот это — вот видал?

— Попрошу без неприличий. Здесь, ведь, женщины.

— Так что ж? Что ты бабами-то тычешь? Сам ты с бабами хорош!

— Где ж у нас 9-ый номер? На собраньи никого.

— Там у их ребенок помер: им теперь не до того.

— Председатель, дайте слово! Не ходил 6-ой весь год. Бабку Дарью из 6-го!

— Да, она едва ползет.

— Дарья грамоте не знает!

— Все равно. Напишет внук!

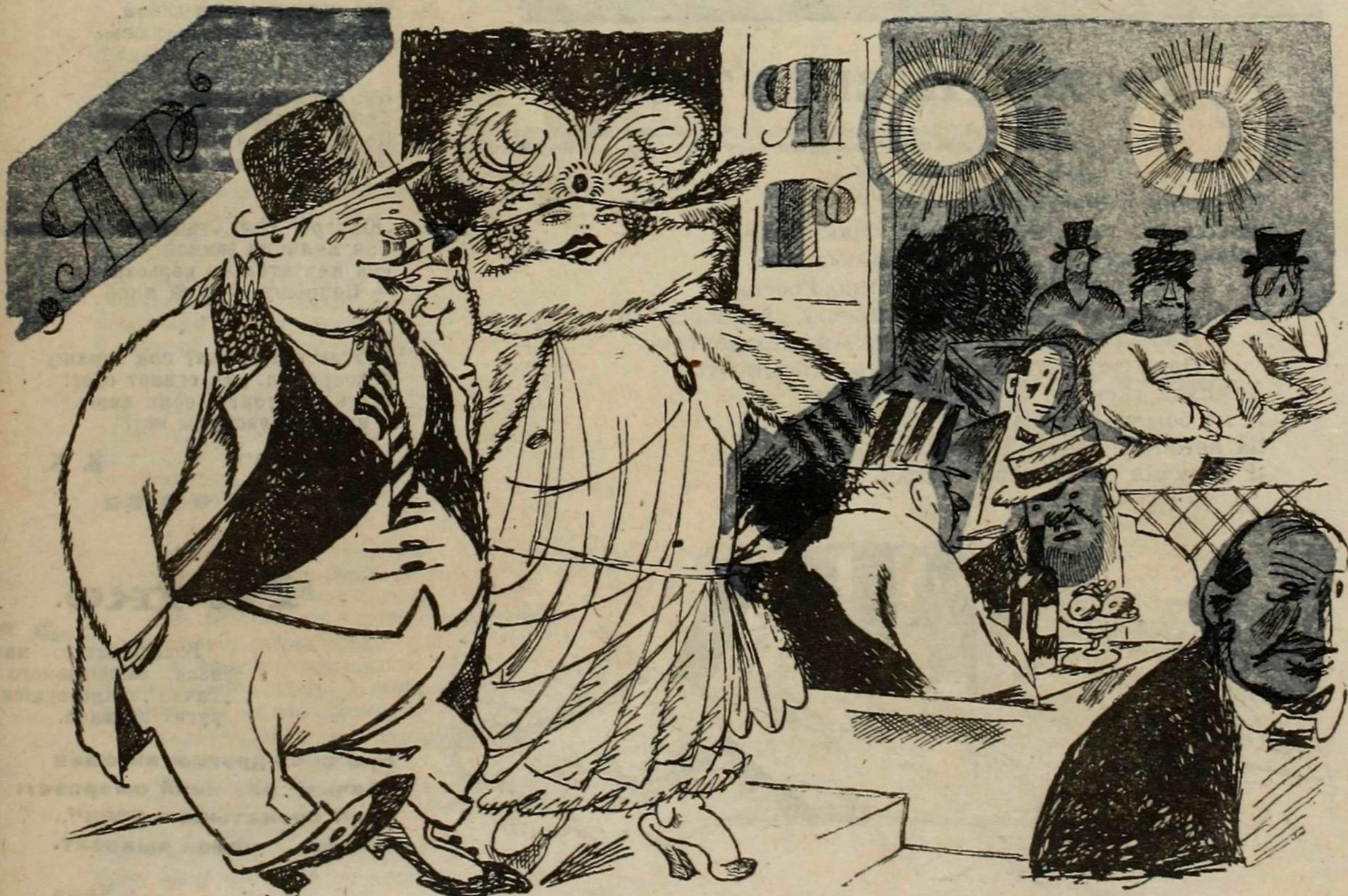
— Кто за Дарью?

Подымает все собранье сорок рук

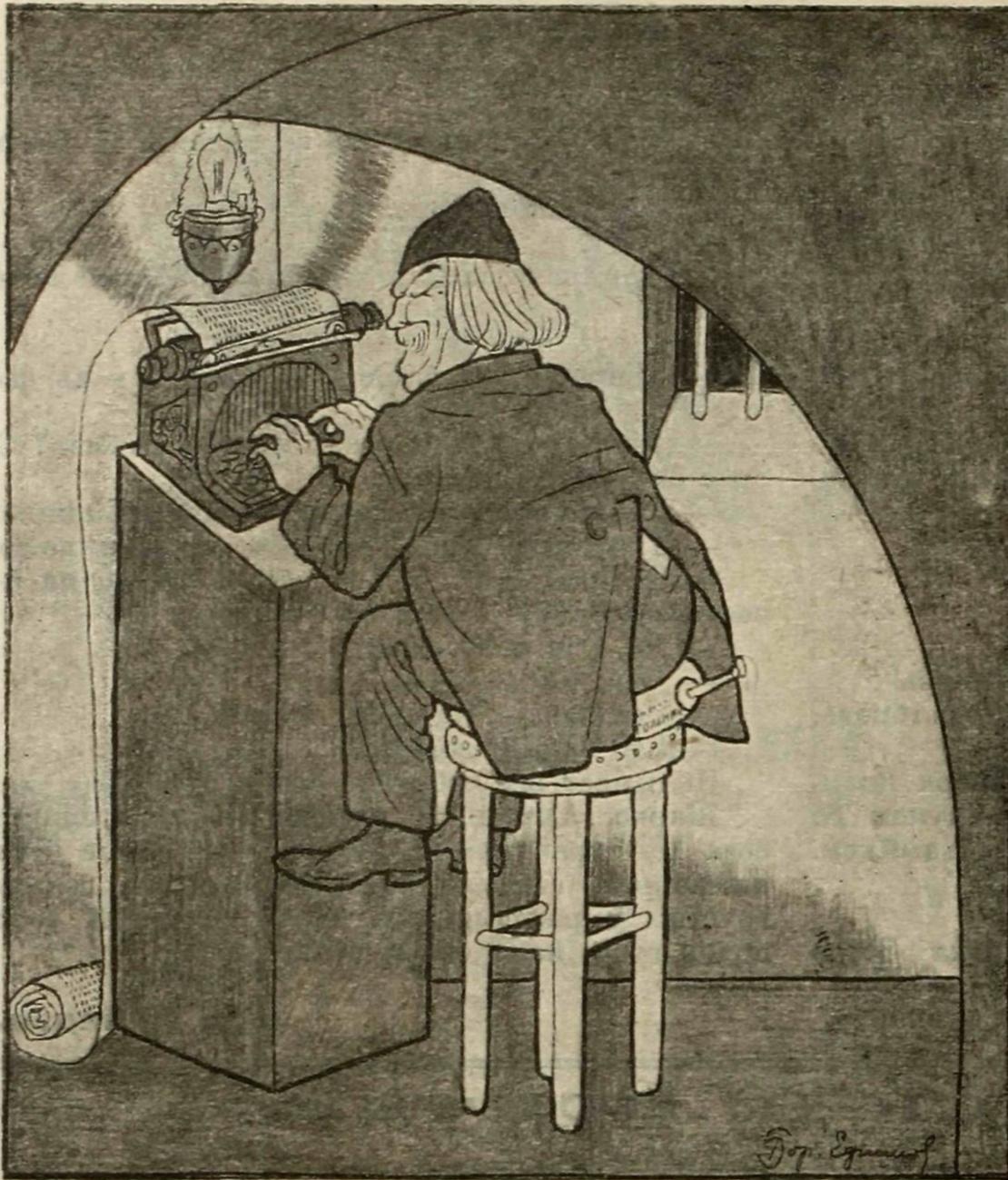
Жарко... Огненною крышкой парят землю небеса. На окраинном дворике ходят голые детишки, спорят, стонут голоса. Кот кривой вздыхает грустно у разломанных ворот. Душный воздух полон густо испареньем нечистот.

Вас. Лебедев.

ГОРОДСКИЕ ВОХОДЫ.

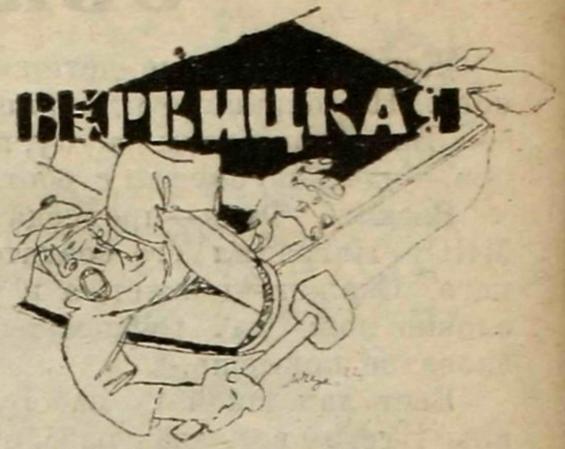
— „Яровые“...

НОВЫЙ НЕСТОР.

Ллойд-Джордж пишет мемуары, заранее запродавшие им за крупную сумму американскому издателю. (Из газет)

Еще одно — последнее — сказанье, —
И летопись окончена моя.
Исполнен долг... Ах, кстати!.. Наказанье!..
Опять про долг... Как раздолгаюсь я?!
Когда ж долги заплатит мне Россия?!
Иль получу сей долг попросту „за мерси“ я,
Иль может быть... А, впрочем, что мечтать!
Одно осталось мне: лежать и помирать.
Лампада гаснет... Снова забастовка!
Я не боюсь — пускай мне скажут: мат!
За летопись (езде нужна сноровка)
Я получил трехгодовой оклад.

„Летчик“.

Один из московских спекулянтов, привлеченный к суду за неуплату денег по договору и пр. улетел на аэроплане в Нижний.

(Из газет).

— На воздушном океане
Не возьмет меня беда,
Я лечу на аэроплане
От народного суда.

Ветер влажный в уши свищет
Вниз плюю я с высоты
Здесь никто меня не сыщет
Я далек от суеты.

Я ушел от жизни душной —
Ничего я не боюсь
Нет милиции воздушной,
Над земной же я смеюсь.

Вч, нескатели покоя —
Бросьте тяжбу, шум и дым
Но, о, боже, что такое?
Почему мы вниз летим?

„Юнкере“ сел. Степанный, грозный
Чин милиции земной
Рек мечтательно серьезно:
— Попрошу итти за мной.

Летчик мигом взят под стражу
И вскричал: „Да сгинет свет!
Жить не стоит — если даже
В небесах свободы нет!“

В. К.

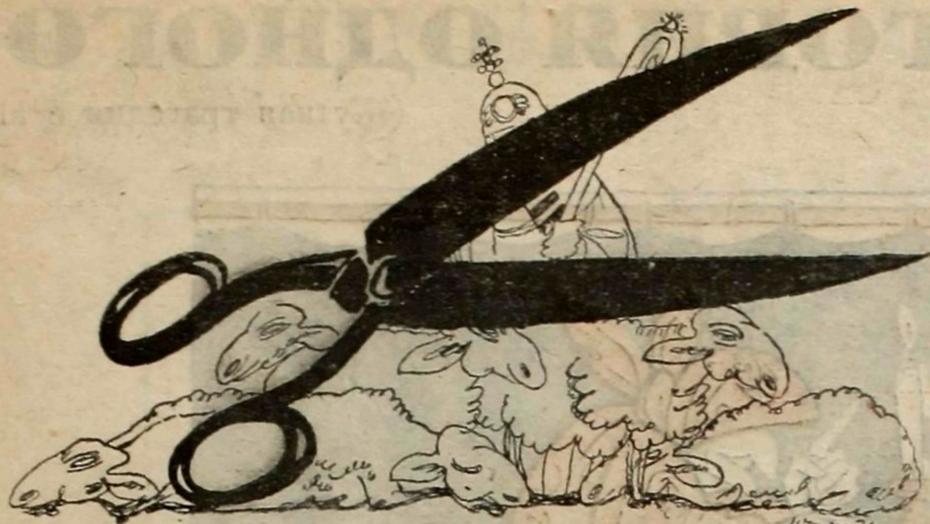
■ ■ ■ ■ ■

Тачке.

Большинство материала, помещаемого в „Тачке“, заимствуется из других изданий.

Про себя другим на смех
„Тачка“ раз иной сморозит
— „Я прокатываю всех“...
А сама... навоз вывозит.

Кррр

Лев Толстой на новосельи.

На с'езде «Живой Церкви» постановлено снять с покойного Льва Толстого наложенное на него быв. синодом отлучение от церкви и «вернуть его обратно в лоно церкви».

(Из газет).

Бысть сие в дванадесятим году.

Велий грохот бе у дьявола в аду.

В «сковородной»—аки Сухарев базар:

Веселихся в оном аде мал и стар.

И скашаше, и плясаше, и поя,

Вельзевулова зловредная семья:

Из Руси газеты страмные

Дали вести телеграммные,

Что святейший православнейший синод

Льва Толстого отлученью предает.

Посему Толстого оного,

Беззаконца беззаконного,

След садить во всенародное

В отделенье сковородное...

Вельзевул сидит, красуется,

— «Где Толстой?»—интересуется.

Через полчаса сего еретика,

Взяв под жабры, притолкали под бока.

Грешник плачет, упирается,

Быть хорошим обещается,

Да в аду,—известно,—черти, не народ!

В ожиданьи все столпились у ворот.

— Здравствуй, друг сердешный, Левушка,

Здравствуй, горькая головушка,

Уж поджарим мы те бедного в аду!

Ну, скорее, полезай в сковороду!

Кто-то смыкался в Главуголь и тово-с,

Антрациту по квитанции принес,

Все уладили, приправили,

Сковородочку поставили,

Водрузили на нее еретика

И ударили в тальянку трепака.

Десять лет пекли сердешного

Черти дьявола кромешного,

Знамо, черти—черти сущие,

Да притом «дела текущие»:

То-и-дело тащит грешников Харон

Положительно со всех пяти сторон.

Но случилось чудо велие:

Началось в раю веселие,

У дьявола-ж унынье и тоска,

Ни тальянки, ни матань, ни трепака.

Вышло сверху разрешение,

Льву Толстому в утешение,

Что простил его небесный трибунал,

Перавестъ его на лоно приказал.

Ходят черти, сплошь сердитые,

Взоры мечут ядовитые,

Сам в сердцах и в огорченьи, Вельзевул

Рай-кварткома по едалу звезданул.

У ворот, в пролетке боговой,

Ждет Илья труд-гуж-налоговый,

Ждет, когда ему Толстого приведут...

А чертяки и отдоху не дают.

Чу!.. Поют слова прощальные,
Говорят слова печальные,
Распростились...—«Старичок-то ты простой».
И поехал это к праотцам Толстой.

Вельзевул стоит ругается,
К подчиненным придирается.
В пекле тихо... Ни ругачки, ни грызни,
Хоть любого в морду веником мазни.

А в раю столпотворение.
Гусли, арфы, песнопение,
От восторга Михаил архистратиг
Трепаковые все таинства постиг:

С ангелятками—ягнятками
Занимается присядками,
А тальянка надрывается, гудит.
Чу! Илья на тарантасике катит.

Отворились двери райские.
Всюду запахи ямайские.
Петр апостол, видно, клянувши грехом,
Квартиранта привечает петухом,

А кричит в восторге велием:
— Проздравляю с новоселием.

Евгений Сибирский.

ЧУДО.

При из'ятии ценностей в Оптиной Пустыни, когда сняли ризу с чтимой иконы Калужской богоматери, в кноте вместо образа оказался портрет старой помещицы времен крепостничества.

(Из газет).

Разом охнула Москва:

Чудо приключилось,

Монастырская братва

Очень огорчилась.

Как открыли мы кнот,

— Где ж ты, богородица?

Пялит бельма на народ

Ведьма греховодница.

Сняли венчик золотой,

Думали, мерещится:

Вместо матери святой, —

Старая помещица.

Вот и чему нас привела

Наша дурость русская,

Сколько свечек извела

Матушка Калужская,

Сколько стоит, не сочтешь

Масло деревянное;

Что-ж ты чуда не даешь,

Баба окаянная?..

Записал старец ПРОДВАТЫЙ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО

(Жуткая трагедия с 11

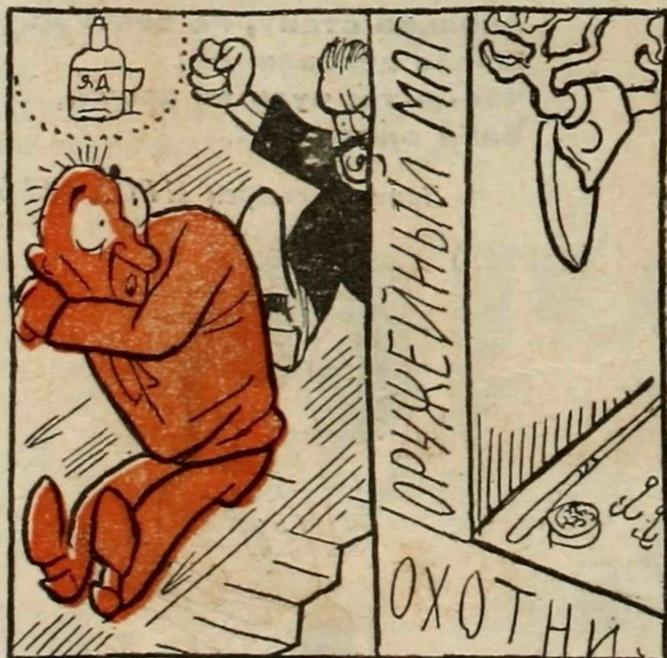
Простодушный провинциал, приехавший в Москву на жительство, нанес визит гадалке, желая узнать, что ждет его в чужом огромном городе.
И вот что сказала ему гадалка:
— Быть тебе председателем треста „Главдым без Главогня!“

Жить не стоит! — решил несчастный, услышав роковой ответ. Найму комнату и повешусь!

В поисках угла, где можно было бы прикрепить крюк, прошло семь дней — и все безрезультатно!

Придется выбрать более скорый способ — сказал самоубийца и направился в магазин огнестрельного оружия. В магазине потребовали ордера от ГПУ на право покупки. Бедняга пужей вылетел вон...

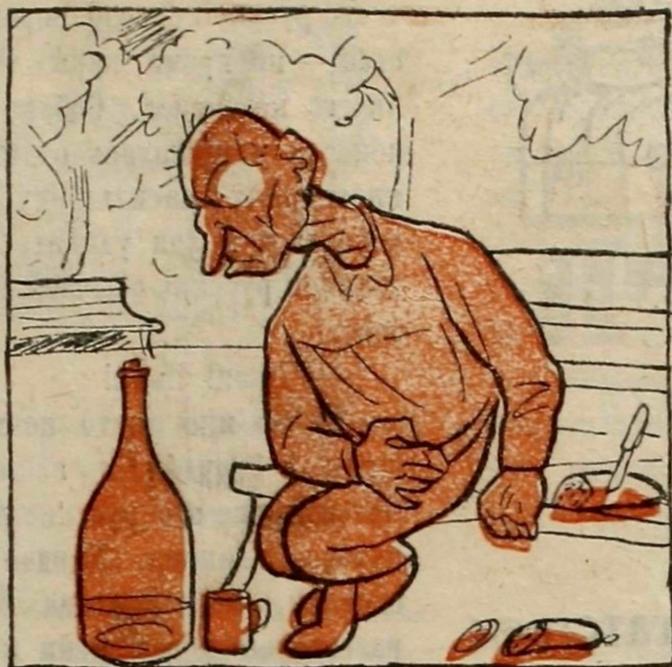

... и кинулся в аптеку.
— Яду! Яду! — закричал он в неистовстве. И аптекарь, снисходя к его беде, отпустил ему яду по дешевке, всего по 10 миллионов за унц.

САМОУБИЙЦЫ.

иллюстрациями).

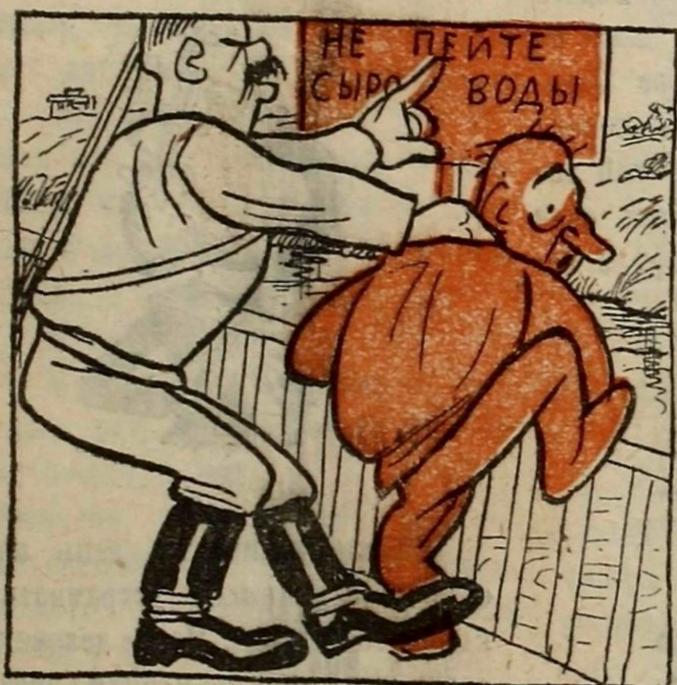
Рис. В. Ефимова.

Яд начал действовать... Мучения были неопишуты.

Тщетно несчастный бегал по всей Москве, в поисках «мужской»...

... И не найдя ее, решил найти «тихую могилу» на дне Москвы — реки... Но и тут остановил его грозный плакат, и мускулистая рука милиционера легла на его плечо.

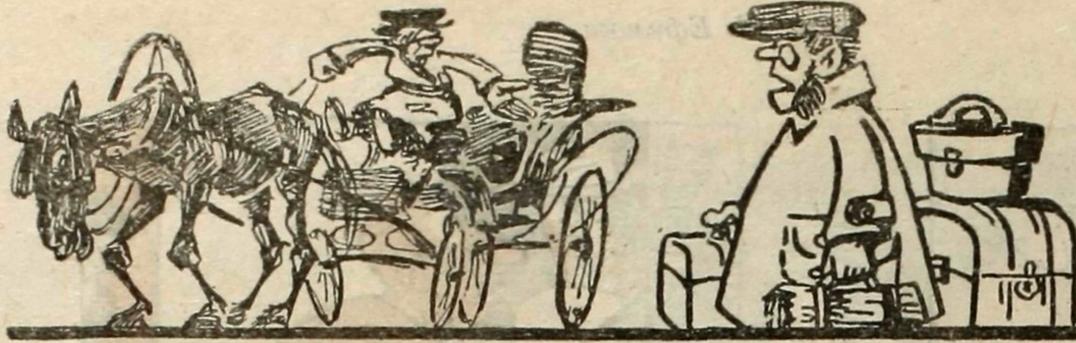
Нет, не суждено мне умереть! — подумал страдалец и решил жить, положившись на волю судеб. Заманчивая вывеска привлекла его ко входу кафе-ресторана.

Хотел подкрепиться после долгих трудов...

... И не доев рыбы, испустил дух. Мир праху твоему, честный труженник! Живые доедят твою рыбу до конца.

Иллюстрации К. Фридбера.

ПИСЬМА ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА

(Мистера Стьюпид-Хэд).

Мистер Стьюпид-Хэд знакомится с богатством русского языка.

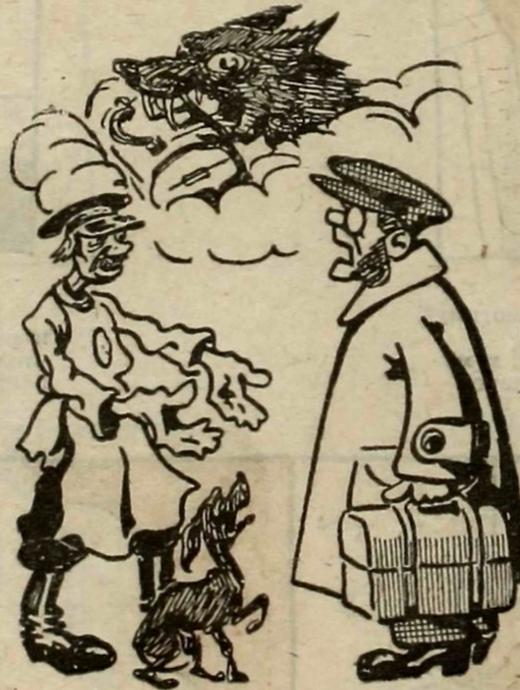
Дорогие друзья и соотечественники! Наконец-то я могу поделиться с вами частичкой тех впечатлений, которые нахлынули на меня, едва я пер-

ехал границу Советской России. О дороге долго рассказывать не буду. Скажу только, что в пути мне пришлось убедиться, что трудовая повин-

ность до сих пор распространяется здесь на всех. По крайней мере, даже во мне иностранцу несколько раз обращались с просьбой смазать колеса того вагона, в котором ехал мой товар. От этой грязной работы спас меня мой английский паспорт и несколько долларов.

В Москву я приехал поздно вечером и сразу же убедился, как высоко поставлена в России табачная промышленность. Несмотря на поздний час, меня окружила целая толпа юных комиссионеров папиросных фирм, предлагая свои услуги.

При перевозке моего багажа со мной вышел ряд недоразумений. Мне

сказали: — „Наймите какого-нибудь волчка, а потом кликните Ваньку“. Я тщетно искал вокруг дрессированного волчка, желая попробовать этот чисто русский способ переноски тяжестей — но кроме пары тощих собак ничего не нашел. Собаки багажа не понесли и пришлось отдать его обыкновенному насильщику. Отойдя от вокзала я желая удивить насильщика званием русских обычаев, начал громко звать:

— Иван! Иван!

Но ко мне никто не под'езжал и лишь с трудом я нашел возницу. Очевидно не все русские возницы зовутся Иванами. Увидав что я иностранец, мой возница без дальних разговоров повез меня в коминтерн, отчего у меня чуть не случился разрыв сердца..

На следующий же день по проезде я отправился устраивать свои коммерческие дела. После делового дня, когда меня чуть не иебили (предложив ударить мне по рукам) я вместе с моими новыми друзьями зашел в ресторан. Здесь я почерпнул не мало сведений по части русского быта и обычаев. Прежде всего, я узнал, что в желудке у всех русских живет прожорливый червяк, потому что все мои собеседники заявили, что они „заморят червячка“. Очевидно, червяк этот очень велик, так как количество поглощаемой им пищи — огромно. Затем один из нашей компании вдруг заявил, что хочет залить за галстук. Я испуганно схватился за свой галстук — но все обошлось благополучно, только на столе вдруг появилось вино. Странные шутки у этих русских!

Я назвал имя одного нужного мне человека и спросил, нельзя ли выз-

— Я уже ездил,—ответил он с бледной улыбкой.

Я был ошеломлен. В десять минут побывал в Риге и вернулся обратно! Нет, Россия по истине страна чудес! Когда я сказал об этом своим собеседникам—один из них предложил расписать мне физиономию. Очевидно, это дикий обычай, оставшийся от екифских времен. Боясь обидеть своего собеседника, я сказал: „Не сейчас, какнибудь потом“,—и он успокоился.

Когда мы вышли из ресторана, накрапывал дождь. Я поднял воротник пальто и неспеша отправился домой. Но вдруг мое внимание при-

влекла надпись на воротах: — „Мочиться строго воспрещается“. На других воротах я прочел то же самое. Очевидно это русский закон, а законы выполняются здесь строго, я бросился бежать со всех ног.

И уже дома, сидя у окна, я с замираньем сердца смотрел на бегущих по улице под дождем пешеходов.

— Бедные! Что то им за это будет! Ведь они мочатся!

...Кончено письмо. В следующий раз напишу о том, как я ходил по учреждениям и еще о многом другом.

Стьюпид—Хэд, Эсквайр.

Объяснение в любви

коммуниста — большевика.

Я люблю тебя любовью пламенной —
Большевиетскою любовью, твердока-
менной.

Что мне море, что мне звезды, что
луна?

Ты—программа мне и тактика одна.
Буду верен я до гробовой доски—
Не изменчивы в любви большевики.
Нам ученье Карла Маркса говорит,
Что силен лишь в коллективе инди-
вид—

Так давай, соединившись вдвоем,
Мы партийную ячейку оснуем,
И, скрепленные сетями брачных уз,
Образуем производственный союз.

Ведь четыре с лишним года шар зем-
ной

Потрясаем был гражданскою войной
Населить опустошенный континент
Нам диктует политический момент.
Социальному отечеству мы в дар
Нарожаем коммунистов десять пар.
Дети вырастут, как в поле зреет рожь.
Мы в союз организуем молодежь.
Чтоб они обогащались умом,
На рабфак свое потомство отошлем
И когда затем пробьет наш смертный
час—

Уморит пусть заодно Семашко нас.
Только с тем, чтоб он за месяц нам
донец,

Что пора платить последний членский
взнос.

Ведь обидно-ж после долгого пути
Нам в могилу исключенными сойти.
И напишет пусть ученый некролог
Сам Стеклов длиной в пятьсот пят-
надцать строк.

И над местом, где наш смрадный прах
гниет, |

Пусть коммуна процветает и живет.

Единица.

■ ■ ■

вать его в ресторан. Мне ответили, что он „поставил банку“ и сейчас „под мухой“. Мороз прошел у меня по коже, когда я представил себе человека, задыхающегося под тяжестью гигантской мухи. Я поскорей убрал под стол пустую банку из под консервов, так как эти вампиры-мухи очевидно любят банки. Гиганты мухи, вероятно, здешний бич, который тщательно скрывают от нас, иностранцев, и лишь в пьяном виде мне выболтали эту государственную тайну.

Пили мы долго и много. Один из нашей компании вдруг побледнел и вышел.

— Муха? — спросил я.

— Муха,—ответили мне со смехом (как они могут смеяться!)—Он сейчас поедет в Ригу.

Очевидно, сами русские еще не нашли способа излечиваться от вреда, наносимого им мухой и им приходится ездить за этим за-границу. Я очень сожалел об уехавшем: это был нужный мне человек. Но вдруг минут через десять он снова подошел к нам. Лицо его было бледно и по сорочке струилась вода.

— Так вот что значит: залить за галетук,—подумал я и спросил:

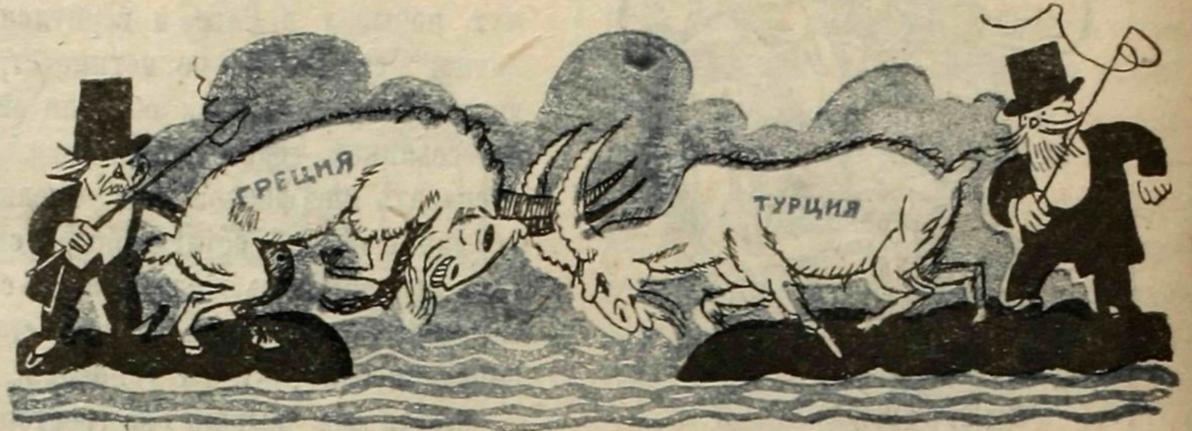
— Разве вы не поедете в Ригу?

Сельские картины в разных страхах.

Урожай на ячмень... в глазу Ллойд-Джорджа.

На Дарданельском водопое

Базарный день.

(Иваново-Вознесенская картинка)

Толпа гуторит, колыхается
И тонет день в весеннем звоне,
Глаза лучисто улыбаются,
Басит Шаляпин в граммофоне...

Платки пестреют, словно цветики
В траве зеленого кургана...
Горит картина на буфетике:
„Весенний вечер“ Левитана.

Лубки раскинув и портреты,
Кричит веселый спекулянт:
— Вот знаменитые поэты,
— Художник Репин и Рембрандт...

На лик Христа немного спроса,
Торговки ссорятся, кричат...
Портрет-издание Наркомгоса
Сияет плешью Ильича...

Оглобли подняты высоко
Лошадки чавкают овес...
С иконы с грустью глубокой
Глядит непроданный Христос...

А день цветет в хмельном угаре,
Весенним звоном охмелен
И с грустной жалобой в базаре
Басит разбитый граммофон.

С. Огурцов.

Укрощение быка.

Скандал в благородном семействе.

„Эстонские дипломаты вывозили из России картины, новые меха, пианино, бриллианты, золото, серебро. За 14 года Эстония погасила этим половину своего долга и привела в порядок свои запущенные дела“.

„Раб. Газ.“ № 134.

Прошу благодарить
Высочайшее собрание
Меня за ум и прыть,
А паче за старание.

Теперь у нас земля
Могуча и обильна;
У русского Кремля
Мы подкормились сильно.

Наш умница посол
Привез монет полпуда,
Его помощник—стол
И фунтовое блюдо

Наш консул (вот талант!)
Провез молодцовато
Прелестный бриллиант
Почти что в три карата.

Я тоже по Руси
Не путался без дела,
Я заслужил мерси
И счастлив без предела...

В душе такой угар!..
Примите-ж мой подарок:
Фамильный портсигар
Ценой в полсотни марон

Что это?!.. Нараул!
Причем тут эти крышки?!
Я портсигар тянул,
А вытащил... часишники.

Е. Симб.

Сбор пеньки в Индии.

Индюк парижской породы.

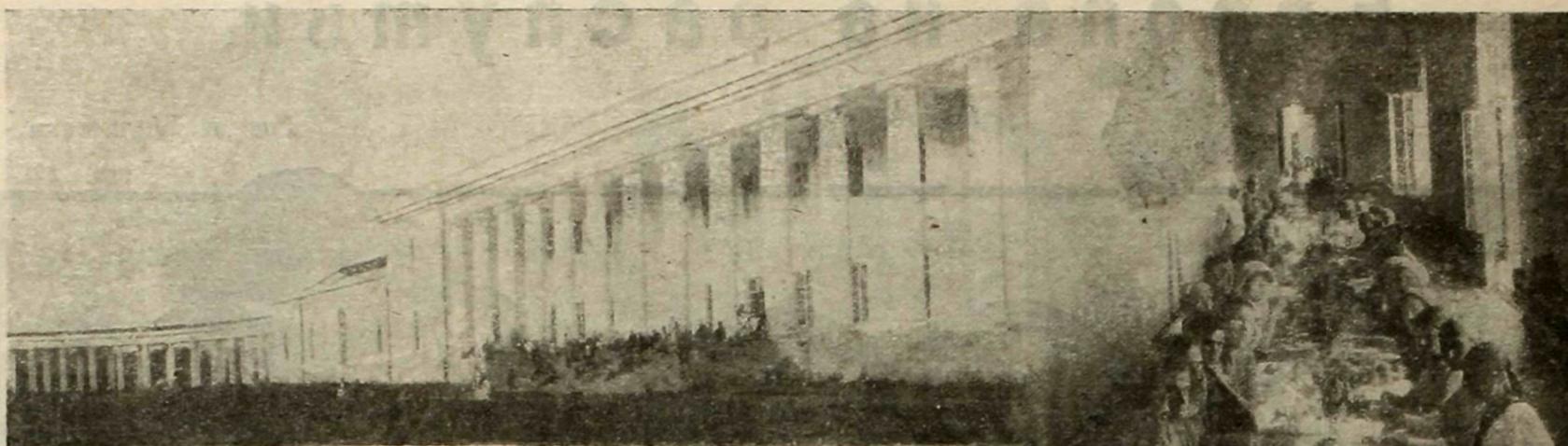
Европа на распутьи.

Рис. И. Малютина.

А на месте останешься—Лloyd-Джордж сам приберит:
конференцию сделает...

Объявления.

Санаторий Моссельпрома в имени „Горенки“,
Нижегородск. ж. д.

Фотография Гольдштейна.

Санаторий Моссельпрома „Горенки“.

В сорока минутах езды по Нижегородской ж. д., в 3-х верстах от станций Никольское и Салтыковка, в старинной усадьбе,

В настоящее время число это увеличилось вдвое. В ближайшее время количество больных будет доведено до 150.

Вопреки обыкновению, со стороны больных ни одной жалобы.

Довольны всем. Кормят четыре раза в день. Кормят хорошо и сытно. Утром завтрак и чай, в обед три блюда, в 4 часа „полдник“—какао и легкая пища и вечером ужин из двух блюд.

В палатах чистота, много

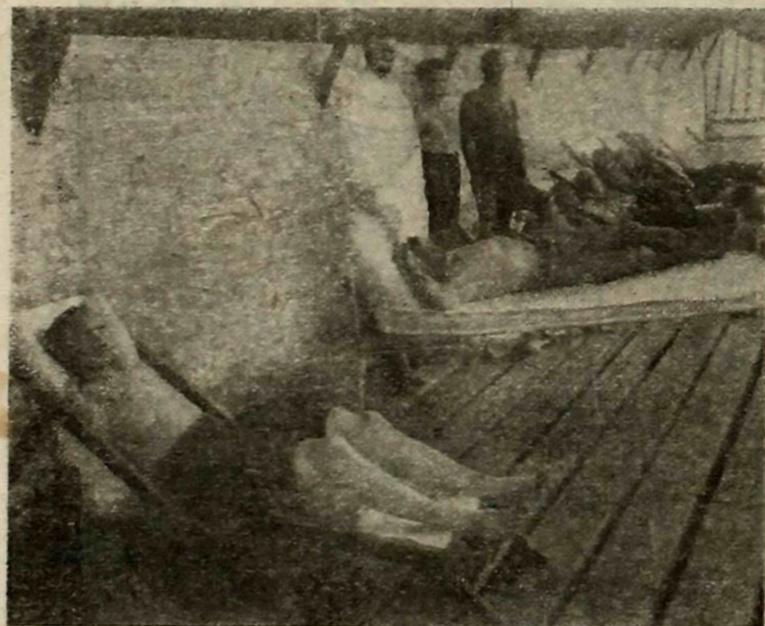
воздуха и света. Освещение электрическое.

Промежутки между едой, кроме послеобеденного, обязательного двухчасового сна, больные проводят в развлечениях: играют в кро-

кет, кегли, шашки, шахматы, катаются на лодке, ходят в лес. В солнечные дни принимают солнечные ванны на крыше дома.

В санаторий принимаются разного рода больные за исключением туберкулезных. Обслуживают их три врача по внутренним болезням. В виду того, что санаторий находится на хозяйственном расчете, часть коек предположено сдать в аренду другим предприятиям и трестам. Санаторий открыт круглый год.

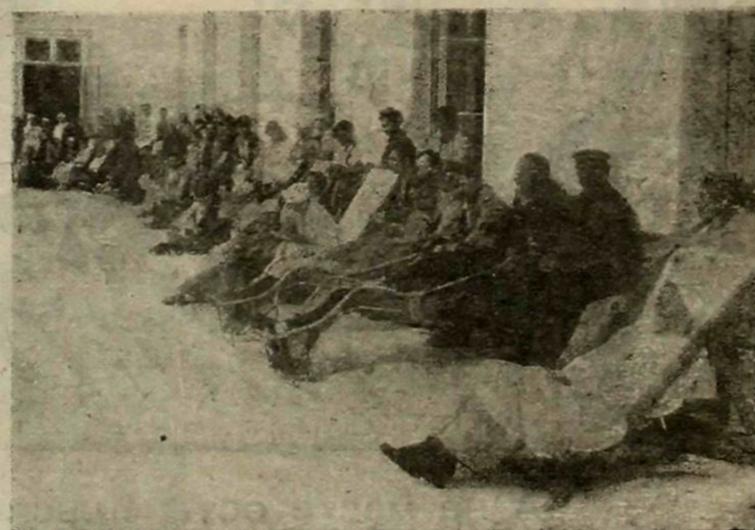
Обыкновенно рабочие присылаются на две недели, но по заключению врачей этот срок

Солнечные ванны в санатории „Горенки“.

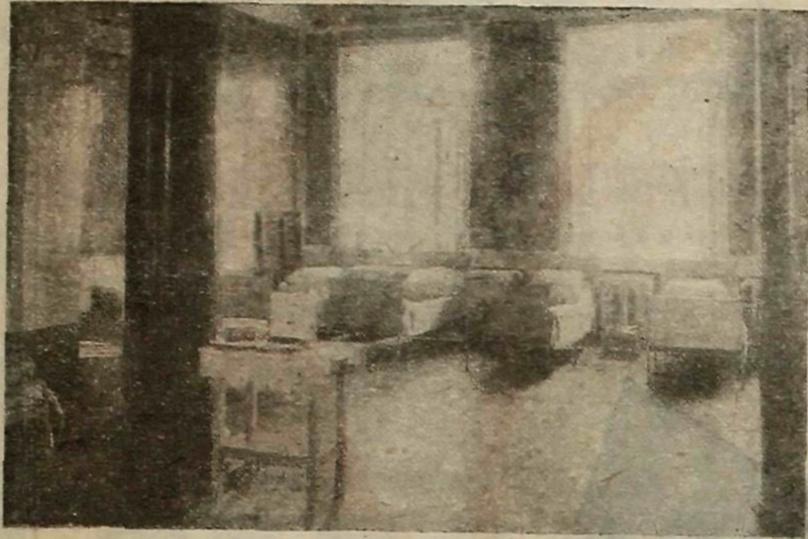
постройки времени Елисаветы, находится санаторий „Горенки“, принадлежащий Моссельпрому, организованный усилиями членов правления т. т. Красавина и Мельникова.

За короткий срок санаторий завоевал среди рабочих определенные симпатии. При открытии санатория было всего 50 боль-

Отдых больных в санатории „Горенки“.

увеличивается до месяца и работают врачи: Деев, Певзнер, При санатории имеются: сов-
больше. Уезжают больные из са- Канцельсон и Могильда. Боль- хоз, паровая мельница, лавка и

Палата для больных в санатории „Горенки“.

Медицинский персонал санатория, слева направо
внизу: д-р Могильда, д-р Певзнер, д-р Деев и
д-р Кацельсон.

натория окрепшими, значительно ные отмечают внимательное к аптека, обслуживающие также и
поправившими свое здоровье. ним отношение медперсонала, окрестное население.
По устройству и организации особенно д-ра Деева, заведы-
санатория и лечения больных вающего санаторием.

Алек. Ар.

„ГОСМОЛОКО“

ОТКРЫЛО РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ:

- № 1 Мясницкие ворота, дом № 30.
- № 2 Тверская, близ Охотного ряда, дом № 18.
- № 3 Н. Басманная, дом № 23 (во дворе).
- № 4 Лубянский проезд, дом № 19 (во дворе).
- № 5 Уг. Николо-Ямской и Садовой ул., дом № 46/71.
- № 6 Ново-Слободская, уг. Палихи, дом № 1/86.
- № 7 Петровские ворота, дом № 1/82.
- № 8 Бол. Никитская, пр. Мал. Кисловского п., д. 24.
- № 9 Уг. Палашевского и Б. Козихинского п., д. 2/12.
- № 10 Плющиха, дом № 20/2.
- № 11 1-я Мещанская ул., уг. Переяславской, д. 94/96.
- № 12 Преображенская площадь, дом № 7.
- № 13 Уг. Гагаринского п. и Ст. Конюшенного п., д. 5.
- № 14 Тверская, близ Садовой-Триумфальной, дом 78.
- № 15 Полянский рынок, уг. Б. Полянки, дом № 26.
- № 16 Уг. Спиридоновской и Георгиевского п., д. 25/20.
- № 17 Каретная-Садовая, дом № 22.

ПРОИЗВОДИТСЯ ПРОДАЖА СЛЕДУЮЩИХ
МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ:

Молоко цельное,	▲ Творог 1-го сорта,
„ сгущенное,	Сыр русско-швейцарск.
Масло сливочное,	„ чеддер,
„ соленое,	„ голландский,
„ топленое,	„ бакштейн,
Сметана в 20 и 30% жир.	▼ „ тильзит.

ЦЕНЫ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА молочных продуктов, мо точ-
ного инвентаря, материалов для молочного производства
(сычужная закваска, краска для сыра, миткаль, серпянка
и проч.).

ПРОИЗВОДИТСЯ В ПРАВЛЕНИИ ГОСМОЛОКА:

улица Коммуны (Н. Басманная), № 28.

Телефоны: 7-23, 16-73, 78-77 и 2-05-38.

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“

Подписная цена с доставкой и пере-
сылкой в Москве и в провинции на

Август:

вместе с иллюстрированным сати-
рическим приложением Р. 100

Сентябрь:

без приложения Р. 100
с приложением Р. 150

Октябрь:

без приложения Р. 100
с приложением Р. 150

Можно подписываться на 1, 2 и 3 месяца.

Подписку и деньги надлежит адресовать
исключительно в Главную контору:

Москва, Страстной бул., Лутинковский п., д. 3.

Во избежание перерыва в высылке газеты,
Главная контора просит подписчиков, прислав-
ших суммы меньше против подписной платы,
озаботиться присылкой недостающих сумм.

Главная Контора.

Рис. худ. Черемных.

Самый простой способ разрешения русского вопроса.

Подписывайтесь на „РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“!